

Sh.M. Magomedov

MONETARY PENALTY AS AN OTHER MEASURE OF PROCEDURAL COERCION

Shamil Magomedov – a post-graduate student, the Department of Criminal Procedure, Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint-Petersburg; **e-mail:** mr.magomedov95@yandex.ru.

The article describes principal approaches to one of the burning issues of contemporary criminal-procedural science – improvement of legal regulation of procedural coercion measures with focusing on those ones which significantly limit constitutional civil rights. On the basis of scientific analysis the author proposes to modify art. 117 of Criminal-Procedural Code of the Russian Federation which should contribute to raise the efficiency of applying monetary penalty as a measure of procedural coercion in the interest of investigation and judicial solving of criminal cases.

Keywords: criminal procedure; criminal proceedings; procedural coercion; other measures of procedural coercion; monetary penalty; problems, improvement.

Ш.М. Магомедов

ДЕНЕЖНОЕ ВЗЫСКАНИЕ КАК ИНАЯ МЕРА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Шамиль Магомедович Магомедов – адъюнкт кафедры уголовного процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург; **e-mail:** mr.magomedov95@yandex.ru.

В статье рассмотрены основные подходы к одному из актуальных вопросов современной уголовно-процессуальной науки – совершенствованию правового регулирования мер процессуального принуждения и, главным образом, тех из них, которые существенно ограничивают конституционные права граждан. На основе научного анализа автором предлагается внести конкретные изменения в редакцию ст. 117 УПК РФ, что должно способствовать повышению эффективности применения денежного взыскания как меры процессуального принуждения в интересах расследования и судебного разрешения уголовных дел.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; уголовный процесс; процессуальное принуждение; иные меры процессуального принуждения; денежное взыскание; проблемы; совершенствование.

Уголовное судопроизводство является одним из направлений реализации государственной политики в сфере борьбы с преступностью [1. С. 5]. В силу своего публичного характера уголовное судопроизводство является одним из видов государственной деятельности, в рамках которого допускается применение мер принудительного характера. Это означает, что такие меры могут быть применены вне зависимости от воли тех участников

уголовного процесса, к которым они применяются.

В некоторых случаях меры принуждения могут быть связаны хоть и со временным, но существенным ограничением конституционных прав личности [6. С. 3]. Такие ограничения, если они допускаются, должны иметь место исключительно в тех границах, которые регламентированы ч. 3 ст. 55 Конституции РФ – «только в той мере, в которой это необходимо в це-

лях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

В теории уголовного процесса под мерами принуждения принято понимать меры, применяемые органом дознания, дознавателем, следователем и судом при производстве по уголовному делу, строго регламентированные УПК РФ и «заключающиеся в ограничении прав и свобод подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, а также других участников судопроизводства в целях надлежащего исполнения ими своих обязанностей, восстановления нарушенных прав граждан и обеспечения установленного порядка предварительного расследования и судебного разбирательства» [2. С. 7].

В целом, мерам процессуального принуждения посвящен раздел IV УПК РФ. При этом особое место в системе этих мер занимают иные меры процессуального принуждения, регламентированные главой 14 УПК РФ. Их особенность заключается в том, что посредством этих мер могут ограничиваться права не только подозреваемого и обвиняемого, но также и тех участников уголовного процесса, которые не подвергаются уголовному преследованию. Слово «иные» применительно к данной группе мер означает, что такие меры образуют самостоятельную группу и не относятся к другим группа мер принуждения – задержанию подозреваемого и мерам пресечения.

Действующий УПК РФ не содержит понятия иных мер процессуального принуждения. Их дефиниция выработана теорией уголовного процесса, в которой под такими мерами принято понимать регламентированные УПК РФ средства принудительного характера, применяемые в строго установленном законом порядке следователем, дознавателем и судом в отношении обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля и других лиц с целью устранения действительных либо возможных препятствий, возникающих в ходе расследования и разрешения уголовных дел.

Специфической мерой в числе иных мер процессуального принуждения является денежное взыскание. Данная мера существенно ограничивает право собственности, прямо регламентированное Конституцией РФ, в силу чего при решении вопроса о ее применении задействован механизм судебного контроля. Как отмечают А.А. Резяпов и А.М. Каминский, «вопрос о наложении денежного взыскания на участника уголовного судопроизводства рассматривается в связи с невыполнением им своих обязанностей» [7. С. 139].

Под денежным взысканием в уголовном процессе принято понимать иную меру уголовно-процессуального принуждения, содержанием которой является наложение обязательства на участников уголовного судопроизводства уплатить денежную сумму, определенную судом, в случае невыполнения своих процессуальных обязанностей, в том числе, за нарушение порядка в судебном заседании [9. С. 11].

Принудительный характер анализируемой меры связан с материальными последствиями для лица, в отношении которого она применяется. Кроме того, денежное взыскание в уголовном процессе обладает также и карательно-восстановительным характером, так как «налагается в связи с совершением противоправных действий, нарушающих установленный порядок производства по уголовному делу или выражающих неуважение к суду» [3. С. 253].

В науке уголовного процесса нет единого понимания о содержании денежного взыскания как меры процессуального принуждения. Так, Ю.А. Кузовенкова относит денежное взыскание к мерам уголовно-процессуальной ответственности [5. С. 6–7]. Т.А. Ханов указывает на его «дуалистическую административно-правовую и уголовно-процессуальную природу» [8. С. 178], принимая во внимание наличие ряда общих моментов при регулировании денежного взыскания нормами УПК РФ (ст. 118) и КоАП РФ (ст. 17.3). С позицией данных ученых мы считаем возможным согласиться, указав, однако,

на то, что административные штрафы за правонарушения в сфере отправления правосудия необходимо четко отграничивать от мер принуждения, применяемых при производстве по уголовным делам.

В то же время нельзя, на наш взгляд, согласиться с точкой зрения С.С. Каримовой о том, что в стадии предварительного расследования следователю и дознавателю должно быть предоставлено право самостоятельного, без решения суда, применения денежного взыскания [4. С. 118]. Как нам кажется, возможность принятия решения о существенном ограничении конституционного права без объективной проверки законности и обоснованности такого решения явила бы собой негативный прецедент в сфере института судебного контроля и, кроме того, создала бы благоприятную почву для различного рода манипуляций со стороны должностных лиц органов предварительного расследования.

По нашему мнению, действующая редакция норм УПК РФ о денежном взыскании (ст.ст. 117 и 118) не лишена определенных погрешностей.

К примеру, обращает на себя внимание тот факт, что согласно ст. 117 УПК РФ, данная мера может применяться к участникам уголовного судопроизводства. При этом закон не уточняет – к каким именно. Как известно, процессуальные статусы участников уголовного судопроизводства регламентированы главами 5–8 УПК РФ. Учитывая характер и цели денежного взыскания, можно заключить, что в данном случае под участниками законодатель подразумевает потерпевшего, свидетеля, гражданского истца или ответчика, переводчика, специалиста, эксперта и понятого. Это также прямо вытекает из ст. 111 УПК РФ. В то же время, анализ ряда норм уголовно-процессуального закона позволяет сделать вывод, что рассматриваемая мера может применяться к более широкому кругу лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Так, в установленных законом случаях денежное взыскание применяется также и к:

- личному поручителю (ст. 103 УПК

РФ);

- родителю, опекуну, попечителю и другим лицам, указанным в ст. 105 УПК РФ;

- лицу, исполняющему обязанности присяжного заседателя (ч. 3 ст. 333 УПК РФ).

При этом в главах 5–8 УПК РФ, где закреплены статусы участников процесса, указанные лица в качестве участников законодателем не выделяются.

Очевидно также, что денежное взыскание может быть применено не к любому свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому. В этом отношении мы поддерживаем точку зрения С.С. Каримовой, справедливо утверждающей, что применению данной меры не подлежат «несовершеннолетние, не достигшие 16 лет, невменяемые, а также лица, в отношении которых приняты другие меры воздействия» [3. С. 255].

На наш взгляд, подобная ситуация, связанная с нечеткостью указания лиц, в отношении которых может быть применено денежное взыскание, должна быть исправлена путем внесения изменений в редакцию ст. 117 УПК РФ. По нашему мнению, данную статью целесообразно сформулировать следующим образом:

«1. В случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства и иными лицами в случаях, установленных настоящим Кодексом, их процессуальных обязанностей, а также нарушения ими порядка в судебном заседании на них может быть наложено денежное взыскание в размере до двух тысяч пятисот рублей в порядке, установленном статьей 118 настоящего Кодекса.

2. Денежное взыскание не может быть наложено на лиц, не достигших 16-летнего возраста, невменяемых, а также лиц, в отношении которых за то же нарушение применены другие меры воздействия».

Таким образом, сложившаяся на сегодняшний день ситуация в сфере применения денежного взыскания свидетельствует о необходимости дальнейшего теоретического анализа и совершенствования процессуальных норм, регламентирующих

данную меру. Предложенные нами законодательные изменения, как мы считаем, способствовали бы повышению эффективности применения денежного взыскания в качестве меры уголовно-процессуального принуждения, а также снижению количества случаев незаконного ограничения прав и свобод участников уголовного процесса при его применении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов А.С., Бозиев Т.О.* Производство процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2017.

2. *Гафизов М.Х.* Денежное взыскание как мера уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

3. *Каримова С.С.* Денежное взыскание как иная мера уголовно-процессуального принуждения // *Общество и право.* 2016. № 2 (56).

4. *Каримова С.С.* Полномочие по наложению денежного взыскания должно

быть предоставлено дознавателю и следователю // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2015. № 3 (33).

5. *Кузовенкова Ю.А.* Денежное взыскание в системе мер уголовно-процессуальной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009.

6. *Кутуев Э.К.* Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.

7. *Резянов А.А., Каминский А.М.* Производство о наложении денежного взыскания в системе уголовного судопроизводства // *Вестник Удмуртского университета.* 2015. Т. 25. Вып. 5.

8. *Ханов Т.А.* Имущественные вопросы в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан: дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2006.

9. *Чернова С.С.* Денежное взыскание и наложение ареста на имущество и ценные бумаги как меры уголовно-процессуального принуждения // *Концепт.* 2014. № 29. Спецвыпуск.